

Ася Ким

Соларис.
Мать,
которую
забыли

Ася Ким

Соларис. Мать, которую забыли

«Автор»

2026

Ким А.

Соларис. Мать, которую забыли / А. Ким — «Автор», 2026

Она проснулась спустя десять тысяч лет. Её дети назвали её отступницей. Её имя стало проклятием. А другая богиня заняла её место. Но Соларис помнит только одно: она отдала всё, чтобы спасти своих детей. Теперь Разломы вновь открываются по всей Аэтерии, и древняя нечисть возвращается в мир. Драконы слабеют с каждым поколением, не понимая причины. А Соларис предстоит вернуть не только свою силу, но и доверие тех, ради кого она когда-то пожертвовала собой. Однако за десять тысяч лет слишком многое изменилось.

© Ким А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ася Ким

Соларис. Мать, которую забыли

Пролог

Я помнила огонь.

Не тот, что горит в очаге или пожирает сухой лес. Этот огонь был другим. Чёрным. Он не освещал — наоборот, словно вытягивал свет из всего, к чему прикасался.

Над головой раскалывалось небо.

Впереди стояли Врата. Огромные, выше самых высоких гор, они дрожали от силы, которую уже не могли удерживать. Из разлома между мирами доносился вой. Нечто билось по ту сторону, пытаясь прорваться наружу.

А за моей спиной были они.

Мои драконы.

Я помню их крики. Помню крылья, закрывающие небо. Помню кровь на золотой чешуе. И помню, как впервые поняла, что другого выхода нет.

— Простите меня, дети...

Я подняла руки.

Боль пришла сразу. Моя сила рванула наружу, сжигая всё внутри. Золотой свет заполнил небо, ударил во Врата и начал затягивать разрыв.

Я слышала драконов. Они звали меня.

А потом погас свет.

Не мир исчез — исчезла я из него. Тело перестало слушаться, звуки отдалились, как сквозь толщу воды, и всё, что я ощущала, схлопнулось в одну тёмную точку. Но сознание не оборвалось, как обрывается сон. Оно растянулось, сделалось тонким и вездесущим, как воздух.

Десять тысяч лет я смотрела на мир, не имея ни рук, чтобы дотянуться до него, ни голоса, чтобы откликнуться на зов. Я видела всё — и не могла вмешаться.

Пока однажды то, что держало меня, не стало отпускать.

Сон заканчивался не как тьма, которая расступается перед светом, а как вода, долго державшая меня на дне и наконец решившая отпустить. Сначала я почувствовала вес собственного тела — тяжёлый, почти чужой, будто за десять тысяч лет камень успел срастись с моими костями. Потом пришёл холод: он лежал на коже тонкой испариной, пах пылью и старым, выстывшим воздухом. Я лежала на чём-то твёрдом, и своды надо мной были высоки, но я ещё не открыла глаз.

Я не сразу вспомнила, как дышать. Не потому, что забыла, — просто дыхание больше не было необходимостью, и тело принимало его неохотно, как давно забытый ритуал. Первый вдох прошёл через горло, царапая его изнутри. Второй отдался болью в рёбрах. К третьему я уже различала запахи: камень, сырость, застоявшийся ладан и что-то ещё — слабое, почти выветрившееся, что когда-то было живым.

Я открыла глаза.

Надо мной был купол. Тёмный, в трещинах, через которые сочился серый, неживой свет. Я смотрела на него долго, позволяя зрению возвращаться, и с каждым мгновением трещины становились резче, тени глубже, а свет — определённое. Мир собирался заново, как собирается после долгой болезни.

Я села. Движение далось медленно, словно суставы помнили иной порядок вещей. Каменное ложе, на котором я лежала, за десять тысяч лет превратилось в грубое возвышение, порос-

шее по краям чем-то бледным и ломким. Я провела ладонью по его поверхности. Пыль легла на пальцы, тёплая, как пепел.

Я помнила всё.

Не так, как помнят сны, — размыто, обрывками, — а с той чёткостью, с какой смотрят в окно. Я видела, как росло новое поколение драконов, как поднимались и рушились города, как менялись языки и границы, как зарастали травами дороги, по которым когда-то ступали мои дети. Я видела, как моё имя стиралось из их молитв.

И я видела Нуктерис.

Она стояла на моём месте, улыбалась моей улыбкой — так, как улыбаются те, кто слишком долго репетировал перед зеркалом, — и принимала поклонение, которого не заслужила. Я видела, как она касалась голов моих детей, и от этого прикосновения в них что-то гасло. Сначала почти незаметно. Потом всё глубже.

Я сидела на краю ложа, свесив босые ноги на холодный пол, и слушала тишину святилища. Где-то далеко, за толщей камня, жил мир, который больше не знал моего имени. Дети, которые больше не узнали бы моего лица. Сестра, которая носила моё.

Гнев поднимался во мне медленно, как прилив, — но я не позволила ему захватить себя. Не сейчас. Сначала нужно было вернуть себе тело, силу, способность стоять на ногах без того, чтобы каждый вдох не отдавался дрожью. Богиня не имеет права пробуждаться слабой. Даже если на самом деле она и была слабой — сон выпил из меня почти всё, и это знание сидело где-то под рёбрами, холодное и точное.

Я поднялась.

Пол был ледяным. Пальцы ног коснулись камня, и я почувствовала каждую трещинку, каждый выщербленный уголок. Тело помнило, как держать равновесие, но движения выходили осторожными, как у человека, который учится ходить заново. Я сделала шаг. Ещё один. Пыль поднималась от моих босых ступней маленькими облаками и оседала, не решаясь подняться выше.

Посреди святилища стоял алтарь. Когда-то он был белым, но теперь посерел, покрылся зеленоватыми потёками и чужими надписями, которых я не помнила. Я подошла ближе. Провела пальцами по высеченным в камне знакам — грубым, торопливым, выбитым поверх прежних. Мои прежние символы угадывались под ними, как угадывается под штукатуркой старая фреска.

Они не просто забыли меня. Они заменили меня.

Я смотрела на алтарь, и в груди разгоралась не боль — боль пришла позже, — а холодное, ясное понимание. Десять тысяч лет — достаточный срок, чтобы стереть с лица земли целые цивилизации. И достаточный, чтобы одна богиня стала для целого народа мифом, а другая — его матерью.

— Я вернулась, — сказала я в пустоту, и голос прозвучал хрипло, непривычно, будто горло отвыкло от слов.

Тишина не ответила. Только где-то наверху, под куполом, сорвалась и упала на пол каменная крошка.

Я развернулась и пошла к выходу. Каждый шаг отзывался в теле глухим эхом, но я шла. Снаружи ждал свет — серый, чужой, но всё же свет. А за ним — мои дети, которых я когда-то создала собственной силой.

Глава 1

Я шла к выходу, и святилище нехотя отдавало меня миру. Свет впереди был серым и ровным — таким бывает свет неба, затянутого тучами, когда не поймёшь, утро сейчас или вечер. Каменная крошка похрустывала под босыми ступнями. С каждым шагом воздух становился гуще, тяжелее, и я ловила в нём запахи, которых не помнила: незнакомую зелень, влажную гниль, далёкий дым и что-то острое, металлическое, как будто где-то за горизонтом точили оружие.

Выход зарос. Тяжёлые створки, когда-то открывавшиеся в обе стороны, покосились, и одна из них больше не держалась на петлях. Я протиснулась в щель, опираясь ладонью на холодный камень. Снаружи меня ударило светом — неярким, но после полумрака святилища он показался резким, как удар.

Я замерла на пороге.

Передо мной лежала не та Аэтерия, которую я знала. Не та, где мои драконы чертили в небе огненные дуги, где по горным тропам шли караваны, а в долинах по утрам поднимался дым жертвенных костров. Мир, который я помнила, был громким, живым, переполненным. Этот — притих.

Святилище стояло на вершине скалы. Когда-то внизу расстилалась долина, поросшая лесом, и лес тот был тёплым, светлым, с серебристыми кронами, что шелестели на ветру, как живое море. Теперь внизу лежал лес, но другой. Деревья стояли чёрные, голые, будто обгоревшие много лет назад и так и не сумевшие обрасти заново. Между ними тянулись ленты тумана, и туман двигался медленно, лениво, словно тоже был усталым.

Я смотрела, и что-то во мне сжималось. Не от страха — от непонимания. Десять тысяч лет я наблюдала за этим миром со стороны, но наблюдать и стоять в нём, дышать его воздухом, чувствовать под ногами его камень — разное. Только теперь я осознала, как далеко всё зашло.

Небо было низким и тяжёлым. Ни птиц, ни драконов, ни единого крыла. Только тучи, серые, набухшие, ползущие так медленно, что казались неподвижными.

Я закрыла глаза.

И тогда я их почувствовала.

Не так, как чувствуют запах или тепло. Это шло глубже — по той нити, что связывала меня с ними с самого первого дня, когда я вдохнула в каждого из них частицу себя. Нить не порвалась. Десять тысяч лет лжи не смогли её перерезать, как бы ни старалась Нуктерис. Но она изменилась: стала тонкой, натянутой, местами почти прозрачной, как паутина, которую слишком долго трепал ветер.

Драконы были. Я ощущала их по всему миру — разбросанных, далёких, но живых. И всё же с ними было что-то не так.

Я не могла объяснить сразу. Только стояла, прижав ладонь к груди, и слушала этот далёкий, прерывистый пульс. Раньше, когда мои дети были рядом, я ощущала их как огонь — ровный, сильный, жаркий. Теперь этот огонь мерцал. Одни искры горели ярко, но их было мало — алые, синие, изумрудные, бронзовые и цвета морской глубины — такие же, как их крылья. Другие тлели едва-едва, готовые погаснуть от любого порыва. А были и такие, что вовсе не отзывались — ни теплом, ни светом, будто их и не существовало вовсе.

Я открыла глаза. Ветер тронул мои волосы, холодный и равнодушный.

— Что она с вами сделала? — прошептала я, и ветер не ответил.

Ответа мне и не требовалось. Я видела это десять тысяч лет. Видела, как слабели поколения, как угасала их сила, как всё реже поднимались в небо крылья. Но одно дело — смотреть на это из плена собственного беспомощного сна, и совсем другое — стоять на земле, которую они ещё недавно сотрясали, и понимать: я опоздала. Не на год, не на сто лет. На тысячелетия.

И всё же я была здесь.

Я опустила руку. Гнев, что копился во мне все эти годы, не вспыхнул — он превратился в нечто более холодное и устойчивое, как лёд, что держит форму даже в жаркий полдень. Сначала — узнать правду. Сначала — найти Нуктерис и заставить её смотреть мне в глаза, пока она будет отвечать за каждое украденное имя, за каждую погасшую искру.

Но где её искать?

Я обернулась к святилищу, и взгляд упал на каменные ступени, что вели вниз по склону. Они почти исчезли под слоем грязи и мха, но угадывались. У подножия скалы темнела тропа, а за ней, вдаль, за лесом, что-то слабо белело — то ли руины, то ли дорога.

Я спустилась. Ноги уже не дрожали — тело вспоминало себя быстрее, чем я ожидала, и это было единственной хорошей новостью за долгое время. У подножия я остановилась возле расколотой каменной плиты, на которой когда-то было высечено моё имя. От него остались лишь несколько букв. Поверх, грубо и наспех, было выбито другое.

Нуктерис.

Я провела пальцем по этим знакам. Камень был холодным, шершавым, и буквы чуть крошились под прикосновением, будто само имя уже начинало разрушаться изнутри.

И тогда я услышала.

Слабый, далёкий звон, похожий на колокольчик. Он доносился откуда-то из леса и повторялся через равные промежутки, как будто кто-то нарочно звал. Я вскинула голову. Звон был не просто звуком — в нём звучало что-то знакомое, тонкая дрожь силы, которую я не слышала десять тысяч лет.

Это был не голос Нуктерис. Но в этом звоне было знание о ней.

Я двинулась на звук, не раздумывая. Лес принял меня сразу — чёрные ветви сомкнулись над головой, туман обступил со всех сторон. Звон вёл вперёд, и я шла за ним, потому что это была первая нить в мире, который забыл, как со мной разговаривать.

Я шла на звон, и лес смыкался за моей спиной, как вода, пропустившая пловца. Ветви тянулись к плечам, но не хватали — только задевали по волосам, по рукам, оставляя на коже холодную влагу. Туман то густел, то отступал, и в его просветах я успевала заметить поваленные стволы, поросшие бледным мхом, кости какого-то крупного зверя, наполовину ушедшие в землю, и каменные осколки, что торчали из грязи, как зубы.

Звон не удалялся. Он держал меня на тонкой нити, то затихая за стволами, то вспыхивая ближе, и в нём по-прежнему дрожала та едва уловимая сила, что не давала мне остановиться. Я не знала, кто зовёт. Но после десяти тысяч лет, когда мир не слышал меня, а я не могла дотянуться до него, даже чужой зов был дороже тишины.

Лес кончился внезапно.

Я вышла на край невысокого обрыва и замерла. Внизу, по дну широкой лощины, тянулась дорога. Не та, что я помнила по прежним временам, — не белая, мощёная камнем, с придорожными столбами и жертвенными нишами, — а тёмная, разбитая колея, по которой ещё недавно прошли повозки. В грязи стояла вода, и в ней отражалось серое небо.

И по этой дороге шли люди.

Я смотрела на них, не в силах отвести взгляд. Их было немного — дюжина, может, чуть больше. Они двигались медленно, понуро, укрывшись серыми и бурыми плащами. Двое тянули за собой тощую лошадь, гружённую узлами. Один, сгорбленный, опирался на палку. Ребёнок держался за край женского плаща и то и дело спотыкался, но не плакал.

Они не походили на воинов или купцов. Паломники, подумала я, и это слово отозвалось внутри странной, давно забытой болью. Когда-то паломники шли по дорогам Аэтерии к храмам — с цветами, с песнями, с дарами. Теперь они шли молча, и лица их были серыми, как небо.

Ветер донёс до меня обрывок разговора. Голос был мужской, низкий, усталый:

— ...говорят, в святилище снова милость. Если дойдём к празднику, нас примут.

— Примут, — отозвался второй, женский, и в голосе этом не было ни надежды, ни радости. — Кого там примут. Мы для них — прах под ногами.

— У Матери не бывает праха, — строго сказал первый, и женщина замолчала.

Я подалась вперёд, вцепившись пальцами в холодный ствол дерева на краю обрыва. Мать. Они говорили о ней. Не обо мне — я знала это так же точно, как знала собственное имя. Они говорили о той, что украла моё имя, моё место, моих детей. И они шли к ней, к её Престолу, по разбитой дороге, неся то небольшое, что у них осталось, — потому что верили, что она милостива.

Звон ударил снова, ближе, резче, и я вздрогнула.

Он шёл не от паломников. Он звал с другой стороны — оттуда, где дорога, изгибаясь, уходила за поворот и терялась в тумане. Туда, куда направлялись путники. И теперь я поняла, что это за звон: так могли звенеть колокольцы на шеях тягловых животных, обрывки молитвенных бубенцов на ветвях или обломки храмовых колоколов, раскачиваемые ветром. Он вёл меня туда же, куда шли они.

Я посмотрела на паломников ещё раз. Они уже почти миновали лощину. Ребёнок обернулся — и на мгновение мне показалось, что он смотрит прямо на меня, хотя на таком расстоянии в тумане вряд ли мог что-то разглядеть.

Я не вышла к ним. Не окликнула. Богиня, чьё имя стёрто, чьё лицо забыто, чей приход сочли бы явлением отступницы, — не лучшее зрелище для уставших людей на разбитой дороге.

Я дождалась, пока они скроются за поворотом, и спустилась вниз.

Дорога приняла меня жёстко. Камни впивались в босые ступни, грязь обжигала холодом, но я шла, не замедляясь. Теперь у меня была нить. Простая, как удар сердца: Престол. Место, куда стекаются все, кто ищет милость Матери. Место, где Нуктерис не сможет спрятаться, сколько бы лжи ни наслоила за десять тысяч лет.

Звон вёл меня вперёд, и я шла за ним по чужой, разбитой, но всё ещё живой дороге — к своему украденному имени и к сестре, которая носила его, как чужую корону.

Дорога вела меня вперёд, и с каждым шагом звон становился громче. Он больше не прятался за стволами, не дрожал в отдалении — он шёл мне навстречу, как долго сдерживаемый вздох, как голос, который слишком долго молчал и наконец решился заговорить. Я узнавала его всё отчётливее. Это был не металл и не ветер. Это была сила — старая, терпеливая, вплетённая в камни и корни, и она звала меня по имени, которого никто в этом мире больше не произносил.

Святилище открылось за поворотом, и я остановилась.

Оно выросло из тумана не как здание, а как продолжение земли — громадная, изъеденная временем скала, превращённая в храм. Широкие ступени, вырубленные прямо в камне, поднимались к раскрытому зеву входа, и по обе стороны от них, как застывшая стража, стояли каменные драконы. Время обломало им крылья, сгладило морды, стёрло глазницы, но они всё ещё держали спины, всё ещё смотрели вниз, на дорогу, по которой поднимались паломники.

Я вгляделась в них и почувствовала, как сжимается горло. Когда-то я сама касалась этого камня, когда он ещё был горячим от дыхания моих детей. Теперь изваяния были чужими — Нуктерис переписала их черты, заменив мои знаки своими, — но камень помнил.

У подножия лестницы толпились люди. Их было куда больше, чем я видела с обрыва: десятки, может, сотни, закутанные в тёмное, сидящие и стоящие у костров, что едва тлели под морозящим дождём. Никто не пел. Никто не смеялся. Паломники смотрели на вход в святилище с тем застывшим, пустым ожиданием, какое бывает у людей, которые уже не верят, что их примут, но всё равно пришли, потому что больше идти некуда.

Я обошла толпу стороной, держась кромки леса. Никто не повернул головы. Я прошла мимо них, как проходят тени, и поднялась по ступеням не по главной лестнице, а по боковой тропе, что вела вдоль стены к обрушенной галерее.

Внутри было темно и сухо. Воздух стоял густой, пропитанный ладаном и холодом, и под сводами гулял тот самый звон — здесь он не метался, а стоял сплошной дрожью, от которой едва заметно вибрировал камень. Я шла по галерее, ведя ладонью по стене, и стена отзывалась теплом. Не злым, не чужим. Тёплым, как ладонь, которой касаются лба.

Святилище узнало меня.

Я остановилась посреди главного зала и закрыла глаза. Звон обхватил меня со всех сторон и потёк внутрь, не ранив, а наполняя. И вместе с ним пришло знание, ясное и горькое, как всё, что я уже и так понимала.

Нуктерис здесь не было.

Она не жила в этом месте, не стояла у этого алтаря. Её не было здесь уже очень, очень давно. То, что паломники принимали за божественное присутствие, было лишь отголоском — следом силы, оставленным в камне так давно, что он успел окаменеть и зазвучать, как пустой колокол. Ложь, вплетённая в стены настолько прочно, что стала частью святилища.

Но под этой ложью, глубже, под слоями чужих имён и чужой силы, камень помнил меня.

И он ждал.

Я опустилась на колени посреди зала, не отдавая себе отчёта зачем. Пол был холодным, но этот холод не причинял боли. Из-под моих ладоней, из трещин между плитами, из самой сердцевины скалы поднималась сила — не та, что даётся поклонением, а та, что когда-то была моей собственной. Частица моей силы, оставленная здесь десять тысяч лет назад. Всё это время она ждала, запертая в камне, не в силах уйти, не в силах погаснуть, — и теперь она рванулась ко мне, как ребёнок, который слишком долго ждал возвращения матери.

Я втянула воздух. Сила входила в меня медленно, по капле, как вода в пересохшее русло, и я чувствовала, как внутри что-то распрямляется, оживает, тянется навстречу. Это было не исцеление — до прежней мощи было ещё далеко, как до горизонта, — но впервые с пробуждения я ощутила себя не выжатой до дна.

— Ты ждало меня, — прошептала я камню. — Ты знало.

Святилище не ответило словами. Оно ответило теплом, разлившимся под моими ладонями, и звон наконец стих, словно выполнил то, ради чего звучал.

И в наступившей тишине я почувствовала другое.

Силу. Живую, мощную, бьющуюся совсем близко — за стенами, может, в соседнем зале. Она не походила на ту, что только что вошла в меня. Та была моей — древней, спящей, возвращённой. Эта же была молодой, яростной, полной жизни и недоверия, как огонь, который горит высоко и ровно, но готов вспыхнуть от одного неверного движения.

Дракон.

Сильный дракон. Насколько сильный, что воздух вокруг него, казалось, дрожал от жара, хотя я не видела ни искры. Такой силы я не ощущала в своих детях с тех самых пор, как закрыла Врата.

Я поднялась с колен. Святилище отдало мне то, что хранило, но мир за его стенами всё ещё считал меня чужой. И прежде чем выйти к этому дракону, мне нужно было спрятать то, что выдавало во мне богиню.

Золото.

Я коснулась своих волос, и под пальцами они утратили блеск, но остались белыми — цветом первого снега. Я провела ладонью над глазами — и выжгла из них золотой огонь, заменив его холодной, спокойной голубизной. Рога, венчавшие голову, теряли сияние, наливаясь синевой, как лёд. И хвост, тяжёлый, чешуйчатый, из золотого становился голубым — цветом неба перед грозой.

Теперь я должна была выглядеть не богиней, а драконицей — сильной, но не настолько, чтобы выдать свою истинную природу. И в этом обличье мне предстояло встретиться с драконом, чья сила жгла воздух за стенами.

Я повернулась к выходу из зала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.